

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

И. В. Кузин

Философия истории во Франции

Иван Кузин

Философия истории во Франции

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2023

УДК 373.167.1:1
ББК 87.63.3

Кузин И. В.

Философия истории во Франции / И. В. Кузин — «Санкт-Петербургский государственный университет», 2023

ISBN 978-5-288-06308-4

В учебном пособии кратко освещаются ключевые проблемы философии истории, которые формулировались в период становления французской интеллектуальной традиции. Изучение разнообразных подходов к осмыслению истории и сложившихся в контексте этих подходов методологических стратегий постижения истории позволит глубже понять характер французского менталитета и особенности национальной культуры Франции. Учебное пособие адресовано студентам магистратуры, обучающимся по образовательной программе «Французская философия» направления «Философия», а также может быть полезно и для исследователей иных областей философии и других смежных дисциплин, в которых затрагивается проблематика истории. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 373.167.1:1
ББК 87.63.3

ISBN 978-5-288-06308-4

© Кузин И. В., 2023
© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2023

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Глава 1	9
§ 1. Циклическая периодизация цивилизаций в философии Л. Леруа	9
§ 2. Стадиальный подход к истории Ж. Бодена	11
§ 3. Провиденциалистское понимание истории Ж.-Б. Боссюэ	13
§ 4. Проект истории на основе утопии в творчестве Ф. Фенелона	15
§ 5. Полемка между «германистами» и «романистами» (А. де Буленвилье и аббат Ж.-Б. Дюбо)	17
§ 6. Идея преемственности в историософии Н.-Д. Фюстель де Куланжа	19
Глава 2	21
§ 1. Разработка методологии познания истории с картезианских позиций в философии П. Бейля	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Иван Владиленович Кузин

Философия истории во Франции

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Предисловие

В пособии раскрывается тематическая и проблематическая область философии истории в контексте интеллектуальных практик во Франции.

С одной стороны, в учебном пособии показана тесная связь курса «Философия истории во Франции» с дисциплинами социально-гуманитарного профиля, в которых представлено методологическое и теоретическое обоснование, с другой – связь с прикладными профессиональными дисциплинами, которые оно дополняет и развивает своей дисциплинарной спецификой. В первую очередь к таким дисциплинам относятся: «Философия науки и историческая эпистемология во Франции», «Национальная философская традиция во Франции», «Источниковедение французской философии классической эпохи», «Философская историография во Франции», «Интерпретация и текст в философском дискурсе Франции», «Общественно-политическая мысль во Франции».

Изучение философии истории во Франции в ходе всех видов занятий органически увязывается с изучением общего курса истории философии, поэтому для понимания и усвоения проблем, рассматриваемых в данной дисциплине, необходимо прежде всего знание основных разделов, которые были изучены студентом ранее в рамках курсов истории философии, онтологии, теории познания и всемирной истории.

Общая цель книги – создание у студентов целостного видения проблематики философии истории, сложившейся в ходе развития историографической, философской и социально-политической мысли во Франции. Благодаря этому, во-первых, достигается лучшее понимание основных философско-исторических проблем, во-вторых, проясняются характерные задачи философии истории, которые ставились французскими мыслителями начиная с XVI в.

Все это позволяет овладеть знаниями в области истории французской философско-исторической мысли, осмыслить вклад французской философии в создание методологии познания общества в его историческом измерении. Не менее важно, что учебное пособие на примере становления исторического сознания французов позволяет лучше и глубже осмыслить и понять самих себя, свое собственное российское национальное самосознание – свою историю и свою судьбу. Кроме того, в книге автором ставилась еще одна важная задача – познакомить читателя в большей мере не столько с интеллектуальными корифеями французской культуры, что является общим хрестоматийным местом, сколько с малоизвестными, но от этого не менее интересными и оригинальными мыслителями Франции.

Для решения поставленных задач в пособии освещаются основные этапы становления философии истории во Франции, определяется специфика французского мышления эпохи Нового времени, в рамках которой формировались основные тенденции и свойства французской философии истории последующего времени, преимущественно XX–XXI вв. Также описываются типологические связи философско-исторической тематики с корпусом других социогуманитарных знаний и определяется вклад французской философии в философию истории в целом.

Пособие составлено таким образом, чтобы дать максимально широкую панораму историографических, историософских и философско-исторических школ, течений и направлений во Франции начиная с эпохи Нового времени.

Содержательное наполнение пособия обеспечено включением в него материалов, которые нашли свое отражение в научных исследованиях, критической и учебной литературе.

Введение

Развитие философии истории можно выразить с помощью следующих обобщений: «классическая – неклассическая – постнеклассическая» философия истории.

Принципиальные вопросы *классической* философии истории концентрируются вокруг проблем смысла истории, определений того, какие силы и личности влияют на ее развитие, какую направленность имеет исторический процесс, а также благодаря каким методам он может быть наилучшим образом постигнут. Для подобной философии истории характерна неудовлетворенность прошлым и настоящим, поэтому доминирующее значение приобретает нацеленность на будущее. К этому направлению можно отнести таких французских мыслителей, как Боссюэ, Монтескьё, Руссо, Тюрго, Вольтера, Кондорсе, Сеньобоса и др.

В *неклассической стратегии* философии истории преобладает онтологическая проблематика, а эпистемологическая составляющая отходит на второй план. У истоков развития этого подхода к истории стояли представители романтической школы, а после – сторонники герменевтики и «философии жизни». Основу романтического понимания истории составляли темы «духа народа», «мировой души», «тела нации» и т. п. Детерминантой событий, происходящих в обществе и истории, объявлялась индивидуальная духовная жизнь человека, поэтому к пониманию истории следовало подходить через исследование и осмысление этой жизни. Романтическая и герменевтическая линии в философии истории получили свое продолжение в работах исследователей исторической школы «Анналов». К этой же стратегии могут быть отнесены разработки в области социологии, в частности Э. Дюркгейма, а также значимые положения эпистемологического направления в философии, например принадлежащие Г. Башляру.

Постнеклассическая философия истории центральным предметом своих рефлексий делает текст, который предстает в качестве средоточия исторического нарратива. Историк, опираясь прежде всего на текст, в противоположность классической и неклассической философии истории приходит к пониманию, что имеющийся перед ним исторический материал неочевиден и непрозрачен. Вариативность и трудности прочтения и толкования получают свое объяснение через прояснение комплекса проблем, сопутствующих самому написанию текста. Постнеклассическую парадигму философии истории мы находим в исследованиях Р. Барта, Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ф. Лиотара, П. Вирилио и многих других мыслителей современности.

* * *

Французская культура во многом определяется именно через историю своего народа, посредством которой устанавливается его идентичность, т. е. в изучении истории складывается национальное самосознание. Поэтому такое значение придается преподаванию истории, ставшему средством формирования гражданского общества. Важнейшим толчком, изменившим отношение французов к своей истории, стали революционные события XIX в. во Франции.

Многочисленные исследования Французской революции 1789 г. способствовали развитию общественных институтов, которые сегодня являются фундаментом французского общества. Через размышления историков и философов над проблемами, которые вставали в эту эпоху перед французами, вызревали, а впоследствии и закреплялись принципы, приверженность которым помогала создавать новое общество.

Университетская наука Франции строилась на базе исторических произведений Гизо, Мишле, Кине, Ренана, Тэна и др. Они задавались основным вопросом, который имел принципиальное значение для общества того времени: как разрешить конфликт между старым поряд-

ком и гражданским обществом, которое тогда мыслилось в качестве общества, свободного от господства теократии и королевской власти.

Рефлексивное напряжение к своей истории обуславливалось также следующими причинами:

– возникшим рационалистическим представлением о всеобщей истории. Согласно этому представлению, которое в конце XVI–XVII вв. формулировали приверженцы идей гуманистов (например, Боден, Боссюэ и др.) и философы XVIII в. (Вольтер, Монтескьё и др.), существует развивающийся мировой дух, или прогресс универсального разума, который образует целостный всемирно-исторический процесс. Европа в таких теориях оказывалась форпостом человечества, на который должны равняться народы других регионов, а выработанный историей европейский опыт современности должен был стать критерием для оценки уровня развития прошлых поколений и культур;

– скепсисом в отношении достижения объективного исторического знания, обозначенного еще Р. Декартом. Несмотря на то, что до конца XVII в. картезианство не наносило серьезного ущерба религиозным устоям, на рубеже веков его методология приобрела такой критический характер, который питал собой вольнодумные идеи. Но подобное провокативное недоверие к познаваемости истории еще в большей мере пробуждало к ней интерес;

– реальными ключевыми историческими событиями, своего рода кайросами французской истории, к которым следует отнести: во-первых, *Великую Французскую революцию*, великий порыв и прорыв которой в своей цельности и значительности создал некоторый «образец» социально-политических трансформаций, который по сей день не только не утратил своей значимости, но, возможно, играет возрастающую роль; во-вторых, *поражения Франции* в войнах XIX–XX вв. – взлет и падение Наполеона, поражение во Франко-прусской войне и позорная капитуляция перед Третьим рейхом во Второй мировой войне, – которые при должном осмыслении обретают эвристическое значение, что подтверждается расцветом на почве национального несчастья французского экзистенциализма. До сих пор опыт исторического унижения остается болезненной темой во французском национальном сознании. Однако для философии истории национальные поражения могут оказаться еще более плодоносными, чем победы.

Глава 1

Формирование метафизических оснований философии истории во Франции в эпоху нового времени

§ 1. Циклическая периодизация цивилизаций в философии Л. Леруа

С 1562 г. во Франции начались религиозные войны. Длелись они 36 лет – до 1598 г. В этих обстоятельствах наступил расцвет политической и исторической мысли. Объяснить это можно тем, что в кризисные эпохи история, так же как и политический дискурс, содержит разноплановый набор примеров и аргументов, с помощью которых можно обосновывать и оправдывать совершаемые действия. Католики и гугеноты привлекали это средство в своих идеологических и пропагандистских целях, благодаря чему получали возможность закреплять свои религиозно-политические позиции.

Данная ситуация во многом определила центральную тему исторических размышлений Луи Леруа – непостоянство цивилизации в истории, а ведущей проблемой стало распознавание основных причин и устройство этого непостоянства. Через описание человеческой истории Леруа (1510–1577) хотел определить ее важнейшие черты, ключевые достижения и типологические изменения. Позже у Вольтера такое рассмотрение истории получит название философии истории.

В главном произведении, отражающем философско-исторические идеи Леруа, – «О непостоянстве, или разнообразии вещей во Вселенной», – рассмотрены факторы, приводящие цивилизации к расцвету и угасанию:

1. *Природный (астрологический) фактор*. Этот фактор Леруа объясняет циклическими изменениями в истории, которые имеют связь с космической упорядоченностью.

2. *Человеческий фактор*. Как гуманист Леруа полагал, что люди могут «контролировать изменчивость человеческих дел» и, более того, развивать цивилизацию. Вследствие первого фактора человеческая цивилизация то расцветает, то угасает. Но, несмотря на это, усилиями людей возможна передача ряда достижений в периоды расцветов, в результате чего они накапливаются и совершенствуют людей.

3. *Божественный фактор – Провидение*. Леруа исходил из того, что даже если некоторым народам не было дано Откровение, у них все же существует врожденная религиозность, которая проступает в несовершенных формах и неистинных наименованиях. Тем самым и они почитают истинного Бога (в лице их верховных божеств). От Всевышнего зависят как расцвет культуры, возвышение государства, улучшение нравов людей, так и падение цивилизации, которое оказывается наказанием людей за их злоупотребления общественным благосостоянием, за нравственное разложение, за грех гордыни и забвение Бога.

В концепции Леруа выводилось не столько представление об историческом оптимизме, сколько понимание изменчивости цивилизации по принципу «биологической модели», «примитивной органической связи». Согласно Леруа, признание вариативности в истории никак не отменяет того, что все *великие исторические эпохи* могут быть сведены к единой схеме описания их существования:

1) *сначала* наступает *расцвет* «могущества и мудрости» культуры, который включает в себя достижения в деяниях правителей и конкретные заслуги выдающихся ученых мужей и других деятелей культуры;

2) *затем* наступает *упадок* цивилизации, который Леруа описывает либо кратко, как это было в случае греков или арабов, либо подробно, как это произошло на примере истории римлян.

Пользуясь этой схемой, Леруа в истории человеческого рода выделил *семь великих исторических эпох* («героические века»), определить которые в качестве таковых позволяли в первую очередь выдающиеся достижения в сфере культуры, искусства, науки и воинских деяний:

1. Египетская эпоха¹.
2. Ассирийская эпоха.
3. Персидская эпоха.
4. Греческая эпоха.
5. Римская эпоха.
6. Арабская эпоха.
7. Современная эпоха².

Будучи мыслителем Возрождения, Леруа сосредотачивал внимание на земном существовании человека. Проведенный сравнительный анализ исторических данных давал ему основание видеть смысл человеческого существования в реализации имеющегося у человека потенциала *познания и преобразования мира, в проявлении воинской и гражданской доблести*. В этом же состоит и смысл истории, степень реализации которого становится критерием оценки заслуг того или иного «века».

Историческая позиция, которую демонстрирует Леруа, оказывается двойственной и противоречивой, потому что, с одной стороны, им признается естественность упадка цивилизации, но, с другой – он сохраняет веру в «прогрессивное развитие культуры», что уже отсылает к «оптимистической концепции истории». Этот его оптимизм основан на вере в Провидение и надежде на грядущих людей, которые познают неведомое и благодаря этому смогут превозмочь упадок, обеспечивая рост цивилизации.

К историческим рассуждениям Л. Леруа серьезный исследовательский интерес возник только в XX в. Предложенный им всеохватный анализ различных исторических эпох закрепил за ним звание основателя истории цивилизации.

¹ По мнению Леруа, египтянам принадлежит первенство в обретении выдающихся успехов в военной и культурной сферах.

² К этой эпохе он относил европейские народы и народы Азии, дополняя их также турками, мамлюками и персами.

§ 2. Стадиальный подход к истории Ж. Бодена

Разработанный Жаном Боденом (1530–1596) глобально-стадиальный подход к истории нашел свое отражение в его книге «Метод легкого познания истории» (1566). Исходный посыл его концепции состоял в том, что человечество – это единый организм. Боден назвал его «мировым государством» и определил составляющие его народы, а также те функции, которые они между собой делят.

Развитие этого мирового государства прошло три великие эпохи, каждая из которых насчитывала 2000 лет.

Первая эпоха прошла под эгидой народов Востока, которые жили на жарком юге. Эти народы распознали секреты природы, создали математические дисциплины, первыми осознали природу небесных тел и власть религии и тем самым сыграли первостепенную роль во всемирной истории.

Вторая эпоха характеризуется господством народов, занимавших среднюю полосу европейского континента. Здесь особо выделились греки и римляне, которые впервые начали формировать государственные учреждения, издавать различные законы, закладывать традиции эффективного управления государством. В этот период развиваются торговые отношения, появляются такие искусства, как риторика, логика и педагогика.

Третья эпоха начинается с череды массовых волнений и войн во всем мире, в результате которых доминировать начинают северяне, разрушившие империи. Если южане обладали склонностью к отвлеченным размышлениям, то северные народы к таким способностям проявляли меньше интереса, больше занимаясь вещами, лежащими в сфере чувственно-предметной деятельности. Развитие ручных ремесел, технических приспособлений, механических изобретений – орудий войны, искусства литья, печатания, обработки металлов – происходило именно в эту эпоху, отличительной чертой которой стало также и исчезновение язычества.

Глобально-стадиальный подход Бодена показывал, что существует *человечество в целом*, а не отдельные разрозненные его части (страны, народы и т. п.). И это человечество развивается, проходя различные стадии и образуя общую историю.

Видение истории в ее поступательном развитии не давало оснований Бодену соглашаться с концепцией деградации человечества, признавать наличие золотого века человечества. Наоборот, то прошлое, которое считалось золотым, скорее следует отнести к железному веку, когда люди стояли ближе к животным, чем сейчас. Отход от такого состояния был связан с социальной самоорганизацией и совершенствованием ее форм. Постепенно дикость и варварство сменяются гражданским устройством общества, которое впервые появляется у халдеев, ассирийцев, финикийцев и египтян.

Развитие человечества сопровождается подъемом и гибелью государств, расцветом и упадком искусств, но, несмотря на это, Боден сохранял веру, что человечество идет по восходящей линии. Однако этот взгляд еще нельзя напрямую связывать с рождением идеи прогресса, как не стоит преувеличивать значение высказанной Боденом идеи о негативном влиянии географического фактора, так как он полагал возможным изменять, смягчать или упразднить это влияние с помощью разумных законов, на которых строится государство.

Боден объяснил пользу изучения всемирной истории. Благодаря анализу исторических событий можно выводить законы, которые управляют обществом. В конкретных исторических обстоятельствах знание таких законов позволяет выбрать лучшие формы управления человеком и обществом. Тем самым Боден представил историю в качестве науки, обладающей собственными методами познания.

Принципиальная задача, которая стоит перед историком, – *установить достоверность исторического факта*. Постановка такой задачи обуславливалась тем, что Боден исторический

факт не противопоставлял природному факту, представляя его доступным объективному свидетельству и рассмотрению. Получение истинного знания о событии связано с трудностью упорядочивания фактов. Решению этой проблемы помогает как сравнительный критический анализ источников, так и воздержание историка от оценок людей и произошедшего в прошлом.

В конечном счете, согласно Бодену, *предметом истории* является деятельность людей, которая сочетает в себе их свободную волю, жизненные потребности, естественную предрасположенность и среду их обитания.

§ 3. Провиденциалистское понимание истории Ж.-Б. Боссюэ

В 1598 г. по приказу короля Генриха IV Бурбона был издан Нантский эдикт, по которому протестантизм получил законное основание свободно конкурировать с католицизмом. После вступления в силу данного закона во Франции происходит расцвет критического духа, проникающего в том числе и в систему вероучения.

Наступало время инакомыслия, в условиях которого епископ, богослов и писатель Жак-Бениньи Боссюэ (1627–1704) становится ведущим апологетом католических догматов. Он был категоричен и непреклонен в отношении сбережения богодухновенной истины, понимая ее как единую и неизменную, а индивида – как обязанного ей повиноваться. В противном случае, если каждый будет настаивать на своей особой, самостоятельно установленной истине, мир ввергнется в хаос. В силу этого он считал недопустимым толковать Писание как «чисто человеческий текст».

Свою концепцию всемирной истории Боссюэ разработал в своем труде «Рассуждение о всемирной истории» (1681), имевшем большое значение для становления французской историографии. В книге была представлена история от сотворения мира до Карла Великого, которая в духе теоретиков-рационалистов начинала рассматриваться с анализа человеческой природы и специфики социальной жизни. Сближаясь с идеями Г. Гроция и Дж. Локка, Боссюэ утверждает, что человек создан для жизни в обществе, однако основу для такого вывода создает не свободный разум, а религия.

Таким образом, в учении Боссюэ соединились современные ему рационалистические представления о возникновении общества с традиционным средневековым теологическим пониманием истории.

Книга была написана в педагогических целях – для наставления дофина, сына Людовика XIV, который в будущем должен был стать королем, но чему помешала его преждевременная смерть. Морализаторский характер произведения определялся по тому набору положений, следуя которым дофин мог впоследствии стать хорошим королем: короли являются орудиями божественного промысла, а главная их обязанность – заботиться и опекать католическую церковь, преследуя еретиков.

В его незамысловатых формулах заключалась и своеобразная философия истории: французские короли являются преемниками императорской власти, которая в раннее Средневековье стала принадлежать Священной Римской империи германской нации. Боссюэ путем ряда исторических подтасовок объявил французских королей подлинными наследниками Карла Великого.

Анализируя ход всемирной истории, Боссюэ выделил в ней две приоритетные линии – историю религий и историю империй. Это означало, что человеческая история складывается исключительно на основе религии и государственного управления.

Выдвинутая Боссюэ периодизация истории включала в себя 12 эпох, образующих каркас всемирной истории. *Древней историей* он называл время от сотворения мира до конца правления Карла Великого, а время от Карла Великого до Людовика XIV – *новой историей*. История же Средних веков у Боссюэ вообще отсутствовала. Помимо этого, философ делит мир на семь возрастов.

Все эти периодизации пронизаны библейским, богословским содержанием, хотя, рассматривая пятую эпоху, Боссюэ делает отсылку к полумифологическому событию взятия Трои, а с другой стороны, при описании других эпох используется ряд достоверных фактов, почерпнутых из римской истории.

Основную идею и замысел той части, в которой повествование начинается с описания одиннадцатой эпохи, – принятия Константином христианства (312 г.) и легендарного избрания Фарамунда королем франков (420 г.), – можно свести к тому, что Римская империя была передана франкам, которых Боссюэ прямо отождествляет с французами. И тем самым французская монархия становится самой древней и самой благородной из всех существующих в мире.

Вывод, к которому приходит Боссюэ, – история состоит из длинной цепи частных причин. Эти причины как создают, так и разрушают империи, но они всегда зависят от неведомых нам повелений Божественного провидения.

§ 4. Проект истории на основе утопии в творчестве Ф. Фенелона

Французская литература XVII в. завершается книгами Франсуа Фенелона, одновременно открывающими дверь в новую эпоху – в век Просвещения.

В 1685 г. был отменен Нантский эдикт, что позволило властям усилить давление на общество, в котором процветали свободомыслие и оппозиционные настроения. Однако введение различных цензурных ограничений, наоборот, увеличило количество критики в адрес абсолютизма, усугубив существующие в обществе противоречия. Последующие 30 лет творчества Фенелона (1651–1715) протекали в контексте данных обстоятельств, созданных царствованием Людовика XIV, что во многом объясняет появление и содержание основного художественного произведения Фенелона «Приключения Телемака».

В книге был поставлен вопрос о природе и субъекте государственной власти. И ответ на этот вопрос Фенелон искал в истории, что и придавало этому труду философско-историческое звучание.

Познание истории привело Фенелона к убеждению, что прошлое, хоть и по-разному, но свидетельствует нам о преимуществах монархической формы устройства государства, нежели олигархической или демократической. Сама же власть монарха имеет божественное происхождение, поэтому король повинуетя воле Бога и руководствуется ею в своих действиях. Однако в романе регулярно повторяется мысль о том, что государь является также и слугой своего народа, точно исполняя существующие в государстве законы. Фенелон не раз осуждал народные бунты, так как чаще всего их последствиями становились нищета, бесправие и бесчинства, но, несмотря на это, граждане все же вправе предлагать и избирать нового короля, прогоняя старого, потерявшего их доверие. Эта позиция приводила его к категорическому отрицанию принципа наследственности власти, к допущению устранения плохого монарха, не соблюдающего законы.

Однако здесь обнаруживает себя некоторое противоречие – законы устанавливает сам монарх, а это обстоятельство ставит общество в зависимость от возможности узаконенного произвола со стороны монарха. Это противоречие Фенелон стремится разрешить посредством обращения к идее просвещенного абсолютизма.

Абсолютная власть монарха требует разоблачения, поэтому она является вовсе не проявлением его силы, а наоборот – его слабости. Авторитет закона наделяет силой власть монарха, поэтому господство закона должно стоять выше власти государя.

Организация общества, при которой становится достижимо «благо народа», что и является целью существования государства, описана писателем на примере изображенного в романе утопического государства Салент³.

Утопия Фенелона не похожа на существовавшие до него и в его время социальные утопии. Обычно писатели-утописты создавали образы вымышленных ими государств, которые случайно открывались путешественниками. Фенелон действует иначе.

Он обращается к античным мифам и легендам, к историческим данным о существовавших в глухой древности греческих поселениях и колониях Южной Италии (в частности, на Сицилии) и, стараясь не отступать от сохранившихся сведений, располагает в этих местах свое идеальное государство. Сведения о Саленте были очень скудными, но воображение писателя на основании его представлений реконструировало те идеальные порядки, которые царили в этом греческом городе-колонии.

³ Наставления Ментора об идеальном устройстве государства и описание салентской утопии, см.: *Фенелон Ф.* Телемах. М.: Римис, 2011. С. 163–183.

Итак, свою утопию Фенелон находит в прошлом, однако, как и полагается, она должна быть образцом для будущего, что и определило успех его книги в XVIII в. В философско-историческом отношении это означало, что «новые должны превзойти древних», которых при этом необходимо помнить и чествовать как первопроходцев, показавших другим открывающиеся перед человеком возможности. Этим они заложили условия для более высоких достижений их последователями – возвышения новых над древними, что и нашло свое отражение в словах Ментора, обращенных к Телемаху: «Все, здесь тобой видимое, совершилось не столько для славы Идомеевой (царя Салента. – *И. К.*), сколько для наставления тебя поучительным примером. Все мудрые в Саленте установления – тень только того, что ты некогда устроишь в Итаке, если добродетелью оправдаешь высокое свое предназначение»⁴. Обнаруживающаяся здесь соревновательность опасна только в том случае, если новые начнут пренебрежительно относиться к древним, игнорируя или предавая забвению их опыт и мудрость.

С какой бы стороны ни был бы брошен взгляд на утопию Фенелона, она объективно была направлена против абсолютизма, проникнута идеей о просвещенной монархии, а также представлением о наилучшем правителе в лице философа, которое, обоснованное Платоном, служило пищей для построения социальных теорий в эпоху Возрождения и оставалось востребованным в XVIII в.

Политические и социально-нравственные воззрения Фенелона оказали заметное влияние на самых разных французских мыслителей и политических деятелей – Ш. Л. Монтескьё, О. Мирабо, М. Робеспьера, Ж.-Ж. Руссо и др.

⁴ Фенелон Ф. Телемах. М.: Римис, 2011. С. 310.

§ 5. Полемика между «германистами» и «романистами» (А. де Буленвилье и аббат Ж.-Б. Дюбо)

Большое значение для развития социально-политической и исторической мысли Франции имела развернувшаяся в первой трети XVIII в. полемика между «германистами» и «романистами». Фактическое и теоретическое содержание спора между графом Анри де Буленвилье и аббатом Жаном-Батистом Дюбо об исторических корнях французов длительное время было актуально не только с научной точки зрения, но и в политико-прагматическом плане, определявшем характер как социальных отношений внутри общества, так и выбора стратегии для внешней политики государства.

В своем сочинении «История древнего правительства Франции» граф Буленвилье (1658–1722) приводит доводы в пользу того, что государственность во Франции закладывается в результате покорения Галлии германскими племенами. Победившие франков германцы стали господами над ними, наделив себя аристократическим статусом. Галло-римляне, будучи побежденными, образовались в «третье сословие» – в народ.

Таким образом, основываясь на «праве победителя», французская аристократия узаконивала привилегии и получала земельную монополию, что и формировало дворянское сословие. Впоследствии это право приобретает такие черты, когда речь можно было вести о крови дворянской «расы», которая передается последующим поколениям. В соответствии с законом потомки проигравших галло-римлян, образовавшие третье сословие, должны были безропотно «тянуть свою лямку».

В лице Буленвилье мы имеем дело с четко оформившимся «дворянским расизмом». Суть его заключалась в том, что дворянское достоинство и родовитость определялись только по крови и наследственности, и к этому не могли иметь отношения ни король, ни государственные учреждения. Это влекло за собой и изменение подхода к истории. Она теряла и теологический, и прагматический, и культурный характер, становясь повествованием о биологически обоснованном сословном неравенстве. В связи с этим Буленвилье порицал абсолютизм, так как он покушался на изначальные и неотъемлемые дворянские права, согласно которым исторически короли не могли стоять выше других аристократов, потому что они достигали статуса первых только в результате *избрания* среди равных. Таким образом, прошлое должно определять настоящее таким образом, чтобы народ (к которому Буленвилье относил и неродовитых дворян) оставался в подчиненном положении, а «чистокровные» аристократы властвовали, так как они завоевали это право в древности.

Аббат Ж.-Б. Дюбо (1670–1742) являлся секретарем Французской академии и был более требователен, чем Буленвилье, к изучению истории с научной точки зрения, поэтому в 1734 г. он выступил против концепции Буленвилье о завоевании Галлии, издав «Критическую историю установления французской монархии в Галлии» (1742). В книге отстаивал позицию «романистов», считавших, что переселение франков в Галлию привело не к закреплению их безоговорочного господства, а к постепенному слиянию с ними галло-римлян. Именно этот процесс закладывал основание для формирования нового французского народа. Франкская монархия стала органическим продолжением Римской империи, в рамках которой взаимодействие различных племен и культур привело к образованию французской нации, которая исходно отличалась демократичностью, обеспечившей возникновение третьего сословия. Как раз таки дворянство в IX–X вв. было повинно в том, что эти традиции были утрачены, королевская власть перестала ориентироваться на соблюдение интересов народа, права которого были узурпированы в пользу дворянских привилегий. Дюбо стремился доказать, что вольности Буленвилье в интерпретации истории делают несостоятельной его теорию об исторически сложившихся двух

отдельных расах. Тем самым претензии дворянства на достояние народа исторически незаконны.

Однако дискуссии по этому вопросу не были прекращены, сохранив свою актуальность вплоть до сегодняшнего дня.

§ 6. Идея преемственности в историософии Н.-Д. Фюстель де Куланжа

К середине XIX в. существовавший длительное время накал в столкновении между аристократическим сознанием и самоутверждающимся третьим сословием начинает ослабевать. Однако вопрос национальной идентичности вновь обретает свою остроту с 1871 г., после поражения Франции в войне с Пруссией (1870–1871), что позволило возродиться Германской империи, и в связи с новыми революционными событиями в стране, последовавшими за поражением.

Эти аспекты и унастроения красочно и обстоятельно отразились в трудах Нюмана-Дени Фюстель де Куланжа (1830–1889), которые были посвящены античной и средневековой истории. Он ревностно защищал идею превращения исторического знания в науку, однако, будучи страстным патриотом, выступал за создание «национальной науки», которая была бы свободна от воздействий германской историографии.

Для достижения этой цели необходимо было перестать идеализировать германские племена. Именно такой подход, по мнению Куланжа, позволит увидеть начало французско-германской истории без предрассудков. Опираясь на факты как основы исторического познания, историк показывал, что для германской расы с момента своего зарождения и до 800 г. н. э. была типична стратегия «вторжения». Препятствием на пути воплощения такой стратегии оказались только франки, которые создали свою империю, явившуюся достижением усилий галлов и в целом победой галло-римской цивилизации над германцами. В лице Фюстель де Куланжа «романисты» получили превосходство над «германистами». Признание, что «германское вторжение» имело место, вовсе не означало, что вторгшееся государство покорило другое. Пришедшие варвары ничего не привнесли, они не создали новых институтов и ничего значимого после себя не оставили.

Фюстель де Куланж отказывается видеть римскую историю через призму деспотизма и, в свою очередь, разоблачает как ложно оформленное просветителями представление о германцах как носителях свобод. Это означало, что по сравнению с римским наследием роль франков во французской истории не была столь значительной. Государственные институты, культура и цивилизационные преимущества Рима были наследованы в ходе исторического становления Франции. Генезис страны определялся не антропологическими факторами (кровно-родственное наследование власти, право победителей и т. п.), а «духовными», цивилизационными, основу которых составляла система управления: 1) регулярная система выборных магистратур, 2) привычка к дисциплине и 3) равенство всех перед законом⁵.

Тем самым Фюстель де Куланж историографически продолжил и развил идеи аббата Ж.-Б. Дюбо. И, по существу, он обосновывал, что если под победой понимать достижение превосходства посредством насильственных действий, то не было не только германского, но и римского завоевания. Основная его мысль состояла в том, что Франция становилась «латинской» не по крови, а по духу.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000.

⁵ Фюстель де-Куланж. История общественного строя древней Франции: в 6 т. Т. 1. Римская Галлия. СПб.: Типолитография Альтшулера, 1901. С. 180–206.

Боссюэ Ж.-Б. Разговор о всеобщей истории. Т. 1–3. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1761–1789.

Леруа Л. О непостоянстве, или разнообразии вещей во Вселенной // Формы исторического сознания от поздней Античности до эпохи Возрождения. Иваново: Ивановский государственный университет, 2000. С. 253–268.

Леруа Л. Рассуждение о французской и всеобщей истории времени, чудеса которого кратко излагаются // Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья: в 3 кн. Кн. 3. XV–XVI в.; под ред. А. И. Сидорова, С. Г. Мереминского, М. С. Бобковой. М.: Нестор-История, 2011. С. 266–290.

Фенелон Ф. Телемах. М.: Римис, 2011.

Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции: в 6 т. Т. I–III. Т. I. Римская Галлия. Т. II. Германское вторжение и конец империи. Т. III. Франкская монархия. СПб.: Типолитография Альтшулера, 1901–1907.

Boulainvilliers Henri de. Histoire de l'ancien gouvernement de la France. Vol. 1–3. La Haye & Amsterdam, 1727.

Dubos Jean-Baptiste. Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. Vol. 1–2. Paris: Pierre François Griffart, 1742.

Fénelon François de. Projet d'un Traite sur l'Histoire // Fénelon, François de. Lettre sur les occupations de l'Académie française. Paris: Dézobry et e. Magdeleine, Sorbonne. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6462688v/f77.image>. texteImage (дата обращения: 22.10.2022).

Глава 2

Критико-позитивистские основания философии истории во Франции

Корни критико-позитивистской линии в философии истории берут свое начало в XVI–XVII вв., когда закладывался фундамент под длительный период господства рационализма в европейской культуре. Полагаясь на подобным образом организованный разум, исторические ценности прошлого надлежало переосмыслить и переоценить. Превращение рационально действующего разума в высший авторитет позволило избавить историю от верховенства Бога, превратив его в философское начало или сведя его к понятию научной закономерности. Бог у mažается до творца законов, которым будет подчиняться всё в природе, включая самого человека и образованное им общество. Никто, в том числе и сам Бог, не властен изменить созданные законы. Необходимость установления этих законов объясняет ту критику, которой были подвергнуты все проблемы истории и их решения, которые были ранее выработаны с религиозных позиций. С этого момента история нуждается в своей оценке с точки зрения знания, а не веры. Такая установка к изучению и исследованию истории давала надежду на то, что и в отношении истории может быть сформирован научный подход.

Исторические сочинения стали обретать научный характер уже постольку, поскольку избавление от теологической ангажированности побуждало историков с опорой на принципы рационализма более тщательно и критично относиться к изучаемым источникам.

§ 1. Разработка методологии познания истории с картезианских позиций в философии П. Бейля

Базовые принципы научного рационализма во многом были определены в процессе философствования Р. Декарта. Одним из последователей его философии был Пьер Бейль (1647–1706), который восхищался красотой и строгостью логических и математических построений, характерных для нового метода познания природы. Тех, кто придерживался этого метода, Бейль называл «разумниками», а тех, кто продолжал сохранять верность конфессиональным наставлениям, – «религиозниками».

Тем не менее это не мешало Бейлю относиться скептически к попыткам отождествить науку с прогрессом и просвещением, так как в таком случае наука сама превращалась в объект религиозного почитания и культивирования.

Также Бейль не буквально и совсем не прямолинейно воспринял и перенес на историю картезианскую методологию. Основополагающим в его подходе становится именно сомнение, а не несомненное, полученное посредством сомнения. Обнаруживающийся здесь тотально-критический дух его мышления сказался и на его философско-исторических воззрениях.

В отличие от Декарта для Бейля принципиальное значение в познании приобретают не установленные абсолютные изначальные бытийные «основания», а именно сами эмпирические факты бытия, которые он представлял в качестве фундамента и цели научного исследования.

Однако апелляция к эмпирическому факту имела здесь весьма специфическую форму, которая в конечном счете и не позволяет увидеть в теории Бейля подлинную философию истории.

Стремление находить и рассматривать события сами по себе, как они случались на самом деле, подкреплялось методологическим требованием Декарта принимать в расчет только то, что представлено ясно и отчетливо. Это объясняло необходимость скрупулезной работы с изучаемыми феноменами, чтобы в результате был исключен вероятностный или ошибочный характер событий. Таким образом, картезианское сомнение Бейль не обращает против истории, т. е. исключения фактического как недостоверного, а делает его инструментом открытия истины самого исторического, превращает его в средство обнаружения своеобразной формы достоверности.

Мир фактического становится побудительным мотивом поиска его истины, чтобы в этом движении удостовериться и подтвердить историческую данность. На этом пути для ученого не существует ничего, чем он мог бы пренебречь, – все имеет значение, ни к какому факту нельзя проявлять безразличия, чем умалаясь бы его ценность в процессе воссоздания общей картины произошедшего.

Используя принципы познания Декарта, Бейль создал концепцию, которая вступала в противоречие с картезианским идеалом понятийного и логически точного знания, моделью которого служила математика. Структурная четкость и формальная строгость математических выводов оказывались малоприспособленными для понимания реальных вещей и сущности их *конкретного* существования. Когда мы имеем дело с конкретными вещами, мы соприкасаемся с историческим, которое относится к другому «роду достоверности», нежели математическое. Историческое содержит в себе возможность к постоянному изменению и совершенствованию своего содержания, что вместе с тем не делает его метафизически менее достоверным. Более того, достоверность того, что некогда жил тот или иной исторический индивид, выше, чем реальность и достоверность существования того или иного природного предмета, определяемого законами «отвлеченных» наук.

И все же предложенная Бейлем модель исторического познания не выглядела в достаточной степени цельной, так как не обладала внутренней связностью – собрание неупорядо-

ченных отдельных фактов не позволяло достичь философского обобщения и понимания сути исторического. История оказывалась конгломерацией материала, колоссальная масса и груз которого загромождали путь к определению логики и смысла произошедшего. Бейль пессимистично относился к возможностям достижения такого уровня осмысления истории, когда она представала бы в качестве некоей прозрачной и единообразной структуры, содержащей свою телеологию и объяснимую упорядоченность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.